

СРАВНЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ЧЕРТ КАЗАНСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ И ПРАЖСКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КРУЖКА

THE CONTRAST OF CONCEPTUAL FEATURES OF THE KAZAN LINGUISTIC SCHOOL AND THE PRAGUE LINGUISTIC CIRCLE

D. Samarin

Annotation

In the article views of representatives of the Kazan linguistic school and the Prague linguistic circle on crucial problems of linguistics are analyzed. The aim of this paper is to compare their approaches to the study of the language. In program guidelines of both unions some similar moments are traced, a fact of the methodological influence of Kazan scholars' ideas on works of Prague linguists has been especially underlined. The positions of two schools are compared in the examination of a socio-psychological nature of the language and the suitability of using synchronic, diachronic, onomasiological and semasiological methods for the investigations of linguistic facts. As a result of research a continuity of theories of the Kazan school of I.A. Baudouin de Courtenay and V.A. Bogoroditsky in ideas of V. Mathesius and his circle has been revealed.

Keywords: phonology; synchrony; diachrony; language; speech; onomasiological approach; semasiological approach; sentence.

Самарин Дмитрий Александрович

*К.филол.н., доцент каф. правового обеспечения
национальной безопасности, ФГБОУ ВПО
"Байкальский государственный университет",
филиал в г. Якутске*

Аннотация

В статье анализируются взгляды представителей Казанской лингвистической школы и Пражского лингвистического кружка на ключевые проблемы лингвистики. Цель настоящей работы состоит в сравнении их подходов к исследованию языка. В программных установках обоих объединений прослеживаются схожие моменты, особо подчеркнут факт методологического влияния идей казанских учёных на работы пражских лингвистов. Позиции двух школ сопоставлены в отношении изучения социально-психологической природы языка и целесообразности применения синхронического и диахронического, ономаσιологического и семасиологического приемов к исследованиям языковых фактов. В результате проведённого исследования выявлена преемственность теорий Казанской школы И.А. Бодуэна де Куртенэ и В.А. Богородицкого в идеях В. Матезиуса и его кружка.

Ключевые слова:

Фонология; синхрония; диахрония; язык; речь; ономаσιологический подход; семасиологический подход; предложение.

Первая половина XX столетия в европейской лингвистике ознаменовалась ростом активности различных лингвистических обществ. К числу наиболее продуктивных объединений относятся Казанская лингвистическая школа И.А. Бодуэна де Куртенэ и В.А. Богородицкого и Пражский лингвистический кружок В. Матезиуса.

Казанская лингвистическая школа была создана в Казани И.А. Бодуэном де Куртенэ (1845–1929) в 1875 г. Наиболее активными из всех участников бодуэновского кружка были В.А. Богородицкий (1857–1941) и Н.В. Крушевский (1851–1887). Занятия в лингвистической школе заключались в обсуждении и анализе новых идей в российской и зарубежной лингвистике. В дальнейшем именно В.А. Богородицкий стал самым крупным представителем Казанской лингвистической школы (КЛШ). Он стал её руководителем после отъезда И.А. Бодуэна де Куртенэ из Казани в 1883 г. Деятельность данного объ-

единения, таким образом, продолжалась до 1941 г.

Пражский лингвистический кружок был организован в столице Чехословакии В. Матезиусом (1882–1945) в 1926 г. Кроме него, видными представителями Пражского лингвистического кружка (ПЛК) были Н.С. Трубецкой (1890–1938), Р. Якобсон (1896–1982) и Й. Вахек (1909–1996). Кружок стал одним из основных центров структурной лингвистики. К направлению ПЛК относятся, таким образом, определение "пражский структурализм" и Пражская школа функциональной лингвистики. ПЛК распался в 1953 г.

Казанская школа оказала большое влияние на суждения российских и зарубежных учёных о языке. Прежде всего, это касалось проблем фонологии. В статье с одноимённым названием И.А. Бодуэн де Куртенэ писал: "При изучении произношения как физического явления мы имеем дело со звуками языка, а при изучении психичес-

кой стороны произношения – с фонетическими представлениями, с фонемами, а также с их составными частями и сочетаниями" [5, с. 354]. Н.В. Крушевский в "Вопросе о гуне" подчеркнул неделимость фонетических единиц при корреспонденции и корреляции, отметив: "Фонетическая единица может быть названа ф о н е м о й (разрядка Н.В. Крушевского)" [6, с. 409]. Фонему он отличал от звука (антропофонической единицы). По сравнению с коллегами, В.А. Богородицкий термин "фонема" почти не употреблял.

Непосредственная роль представителей КЛШ в развитии европейской лингвистики, и особенно, фонологии, отмечалась многими западными лингвистами. В. Вольски признавал за учёными Казани первенство в решении основных проблем лингвистики. В статье "Die Fachsprache der Sprachwissenschaft seit den Junggrammatikern" он подчеркнул: "За формированием фонематической теории стоит Казанская школа, здесь наряду с И.А. Бодуэн де Куртенэ и Н.В. Крушевским (которые, в том числе, различали звук и фонему), также В.А. Богородицкий (со своими работами по экспериментальной фонетике)" [16, S. 1352]. Казанские лингвисты, несомненно, во многом опередили своё время. Они повлияли на взгляды Ф. де Соссюра и его Женевской школы (Ш. Балли, А. Сеше и С.О. Карцевского), а также Пражской школы (В. Матезиуса и Р. Якобсона). Таким образом, в этих лингвистических обществах был дан импульс будущим социолингвистическим исследованиям.

Синхронический подход к изучению языка И.А. Бодуэн де Куртенэ называл статическим, а диахронический – динамическим. Ещё в "Подробной программе лекций в 1877–78 учебном году (1879)" в отношении фонетики он отмечал: "Исследованием законов равновесия языка занимается статика, исследованием же законов движения во времени, законов исторического движения языка – динамика" [4, с. 110]. Позднее он, сохраняя противопоставление статики и динамики, попытался отделить последнюю от истории на основе различия между индивидуальным и племенным языком. Через несколько лет В. А. Богородицкий повторил эту идею в своей магистерской диссертации: "Мы должны теперь перейти к рассмотрению русского вокализма с точки зрения динамической, т. е. со стороны развития во времени" [1, с. 111]. Подобным образом рассуждал о возможном рассмотрении системы в порядке сосуществования или последовательности и Н.В. Крушевский. Он положительно отзывался о приведённой В.А. Богородицким интерпретации звуковых законов [7, с. 215]. Таким образом, в деле разграничения статики и динамики он стал на его сторону. Это положение И.А. Бодуэна де Куртенэ позже разрабатывалось другими его учениками.

На разграничение синхронии и диахронии Ф. де Соссюром, несомненно, повлияло его знакомство с теориями

учёных КЛШ. В.А. Богородицкий в сноске в конце своих "Этюд по татарскому и тюркскому языкознанию" прокомментировал этот факт: "И так, идею "синхронизма" при лингвистических сопоставлениях я выдвинул за целую четверть века до появления "Cours de linguistique generale" (1916) де Соссюра, который имел в своём распоряжении вышеназванную мою немецкую брошюру (Einige Reformvorschlage...), и если нет в его книге упоминания о ней, то это я объясняю посмертным изданием его книги, отчасти составленной по записям слушателей" [2, с. 154–155]. Это заявление позволяет лучше оценить значение Казанской школы в истории лингвистики.

Одним из принципов исследования социальной стороны языка казанские учёные считали признание равноправия всех языков. В Казанской школе отстаивалась необходимость изучения языков местных народов – татар, марийцев, чувашей и других [10, с. 160]. По инициативе И.А. Бодуэна де Куртенэ в университете были восстановлены кафедры тюркских и финских языков и организовано факультативное преподавание татарского языка. Эта линия исследований была успешно продолжена В.А. Богородицким и его последователями.

Социологическое направление было характерно и для представителей Пражского лингвистического кружка. Основные установки кружка связаны с теорией функциональной грамматики его основателя и первого президента Вилема Матезиуса (1882–1945). Й. Вахек подчёркивал, что, хотя подход пражских фонологов основывался на традициях русских лингвистов (в первую очередь, И. А. Бодуэна де Куртенэ), они критично относились к ряду положений КЛШ. В "Лингвистическом словаре пражской школы" он указывал: "В противоположность психологизму Бодуэна де Куртенэ они подчёркивали социальную обусловленность фонологических явлений, но они впали в другую крайность в недооценке психологических аспектов языковых явлений" [15, р. 134]. В этом проявились фонологический идеализм ПЛК и стремление к отделению фонологических фактов от звуковой реальности.

В среде пражских структуралистов подчёркивалось наличие в синхронии элементов диахронии. В тезисах ПЛК представлена концепция языка как "функциональной системы", отрицавшая барьеры между этими двумя подходами, в отличие от Ф. де Соссюра и Женевской школы. Эта идея отражена в статье В. Матезиуса "О потенциальности языковых явлений": "Звуковые кривые, а следовательно, и звуки, ими обозначаемые, нерегулярны, подобно листьям деревьев: две никогда не совпадают полностью, но отдельные кривые одной и той же разновидности похожи друг на друга и отличаются от кривых других разновидностей" [8, с. 10]. Итак, В. Матезиус представлял себе потенциальность ограниченной, анализируя источники синхронических изменений с учётом

работ О. Есперсена, Ф. Брюно, А. Марти и других лингвистов. Но переходы между синхроническим и диахроническим состояниями подразумевают языковое развитие. В.А. Богородицкий с его синхронно-диахронным методом в этом отношении был более последователен.

В тезисах учёных ПЛК рассматривались и другие стороны языка. Г. Хельбиг писал в книге "Geschichte der neueren Sprachwissenschaft. Unter dem besonderen Aspekt der Grammatik-Theorie": "Эти тезисы относились и к литературному языку: выдвигалось требование рассматривать поэзию саму по себе, а политические, социальные и экономические факторы, напротив, как лишь "внешние факторы" [12, S. 49]. Интерес деятелей кружка к литературному языку естественно затрагивал стилистические проблемы. Их актуальность для исследований ПЛК подчеркнул Ф. Данеш. По его словам, стилистика находилась "в центре интереса пражских учёных с самого начала" [11, p. 119]. Она рассматривалась как лингвистическая дисциплина (лингвистилистика), связанная с языковой эволюцией. Для филологов ПЛК было типично синхронизировать изменения с другими чертами языка.

Процесс живой речи, или функцию общения, В.А. Богородицкий рассматривал с двух сторон – со стороны говорящего и со стороны слушающего. Процесс коммуникации между ними возможен при двух условиях: 1) при наличии объективного момента – колебательного состояния воздушной среды под действием органов произношения говорящих и его восприятия слухом собеседников и 2) при ассоциации в их уме с одними и теми же словами схожих представлений. В связи с этим учёный указывал на неравносильность их языкового процесса: "Нужно прибавить, что языковой процесс не один и тот же у говорящего и слушающего: у говорящего речь есть функция мысли, так как у него мысль ищет соответствующего словесного выражения из запаса слов и оборотов, хранимых его памятью; у слушающего же наоборот – мысль есть функция речи или, точнее, слуховых представлений, возбуждённых у него слышимую речью; короче: в процессе речи у говорящего мысль как бы ведёт за собою слова, у слушающего же – наоборот – под влиянием слов складываются мысли" [3, с. 3]. Если деятельность говорящего движется в направлении от мысли к слову, то деятельность слушающего – в обратном направлении. Несмотря на отсутствие у В.А. Богородицкого чёткого вывода о необходимости ономаσιологического и семасиологического подходов к изучению языка, различие подходов говорящего и слушающего на уровне речи неизменно встречается в его трудах.

Хотя в лингвистической концепции В.А. Богородицкого преобладают семасиологические установки, он возражал против жёсткого противопоставления ономаσιологического и семасиологического подходов. В отличие от него В. Матезиус приоритетной считал именно ономаси-

ологическую грамматику, называя её "функциональной" (в отличие от семасиологической, "формальной" грамматики). В книге "Jazyk, kultura a slovesnost" он писал об их историко-научном различии: "В то время как старая лингвистика, опирающаяся прежде всего на интерпретацию текстов, исходила из готовых языковых структур и спрашивала об их значениях, продвигаясь таким образом от формы к функции, новая лингвистика, опираясь на свой опыт с современными языками, исходит из потребностей выражения и спрашивает, какими средствами эти потребности выражения в анализируемом языке удовлетворяются" [14, s. 30]. В работах же В.А. Богородицкого термин "формальный" употреблён в отношении ономаσιологической грамматики.

Для выявления психической стороны предложения В. А. Богородицкий, как и В. Матезиус, сопоставлял две его интерпретации – аналитическую, идущую от В. Вундта (1832–1920), и синтетическую, идущую от Г. Пауля (1846–1921). По В. Вундту, предложение разделяет целостное мнение о ситуации на более мелкие представления. Автор "Психологии народов" писал: "Поэтому эти оба качества, препозиция предиката и выделение речи в маленьких предложениях, разлагающих связь мыслей на её отдельные моменты, так же характерны в звуковом языке аффективной дикции" [17, S. 218–219]. А Г. Пауль в "Принципах истории языка" утверждал: "Данное мною ранее определение гласило: предложение является выражением, символом того, что в психике говорящего произошло соединение нескольких представлений или групп представлений, а также средством возбуждения в психике слушателя такого же соединения тех же самых представлений" [9, с. 143].

Приведённые формулировки показывают полярность позиций немецких учёных в отношении предложения.

В. Матезиус критически оценивал взгляды обоих немецких учёных. По поводу взглядов В. Вундта и Г. Пауля на проблему предложения чешский языковед в статье "Несколько слов о сущности предложения" резюмировал: "И, тем не менее, обе стадии при создании предложения являются важными, поскольку в действительности предложение создаётся благодаря синтезу этих стадий" [13, s. 173]. В каждом предложении В. Матезиус выделял два элемента: основу высказывания (тему) и его ядро (рему). Смысл создания предложений он связывал с обменом новой информацией на фоне прежних сведений, уже известных обоим участникам диалога. С учётом наличия этих двух элементов необходимо использовать актуальное членение предложения. В. Матезиус предлагал заменить психологический подход функциональным, направленным на понимание сущности предложения. В данном случае взгляды В. А. Богородицкого и В. Матезиуса на природу предложения сходятся.

Но в интерпретации психической стороны предложения В. А. Богородицкий опередил чешского лингвиста как минимум на десять лет. Русский учёный писал о разложении целого впечатления на подлежащее и сказуемое: "Такое разложение может получать то или другое направление, соответственно тому, на каком признаке предмета остановилось наше внимание" [З, с. 175]. Процесс образования мысли–предложения у говорящего он считал более сложным, так как тот содержит в себе разделение как первую фазу мысли и сочетание элементов как вторую фазу, получающую выражение в предложении. В сложности этого процесса В. А. Богородицкий и видел причину расхождений В. Вундта и Г. Пауля. У слушающего же процесс восприятия предложения будет обратным, состоящим в образовании единой мысли из её отдельных элементов.

Вслед за немецким учёным Г. Габеленцем, А. А. Потёбня и Ф. Ф. Фортунатов, например, на первое место выдвигали учение о "психологических" подлежащем и ска-

зуемом. Эти понятия В. А. Богородицкий считал совершенно чуждыми для психологии. На примере выражения "птица летит", в котором оба слова могут играть роль психологического подлежащего, он отмечал негативный фактор проникновения в грамматику логического элемента [З, с. 177]. Исключение В. А. Богородицким искусственных категорий из синтаксиса и сохранение за главными членами предложения их формально–грамматического значения подтверждает более логичное восприятие им категорий синтаксиса по сравнению с В. Матезиусом с его теорией актуального членения предложения.

Проведённое сопоставление установок учёных КЛШ и ПЛК демонстрирует общность их взглядов на социально–психологическую природу языка и необходимость применения синхронического, диахронического, ономазиологического и семасиологического подходов к его изучению. Вместе с тем в сфере исследований фонологии и синтаксиса очевиден приоритет казанских исследовательниц языка над разработками пражских лингвистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богородицкий В.А. Гласные без ударения въ общерусскомъ языкѣ: диссертация на степень магистра сравнительнаго языковѣдѣнія. –Казань: Типографія Императорскаго Университета, 1884. – 152 с.
2. Богородицкий В.А. Прибавления // Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию / [Вступительная статья П. Кузнецова]. – Казань: Татиздат, 1933. – С. 150–156.
3. Богородицкий В.А. Лекции по общему языковедению. – Изд. 3–е. – М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2010. – 312 с. (Лингвистическое наследие XX века.)
4. Бодуэн де Куртэнз И.А. Подробная программа лекций в 1877–78 учебном году (1879) // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. – С. 108–117.
5. Бодуэн де Куртэнз И.А. Фонология. Перевод с польск. (1899) // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. – С. 353–361.
6. Крушевский Н.В. К вопросу о гуне (1881). Исследование в области старославянского вокализма [О чередовании звуков] // Хрестоматия по истории русского языкознания. Под ред. Ф.П. Филина. Учеб. пособие для филол. специальностей ун–тов и пед. ин–тов. – М.: Высшая школа, 1973. – С. 405–410.
7. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке // Избранные работы по языкознанию. (Составитель Ф.М. Березин). – М.: Наследие, 1998. – С. 96–222.
8. Матезиус В. О потенциальности языковых явлений // Избранные труды по языкознанию: Пер. с чеш., англ. / Загл. ст. Д.В. Сичинавы. – Изд. 2–е. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – С. 3–30. (Лингвистическое наследие XX века.)
9. Пауль Г. Принципы истории языка. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – 501 с.
10. Самарин Д.А. Социально–психологический характер языка в теориях лингвистов XIX–XX столетий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 9–1 (39). – С. 159–162.
11. Danes F. Prague School Functionnalism as a Precursor of Text Linguistics // Cahiers de l'ILSL. – 1994. – № 5. – Pp. 117–126.
12. Helbig G. Geschichte der neueren Sprachwissenschaft. Unter dem besonderen Aspekt der Grammatik–Theorie. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1986. – 392 S.
13. Mathesius V. Nekolik slov o podstate vety // Jazyk, kultura, slovesnost. – 1923. – S. 169–173.
14. Mathesius V. Jazyk, kultura a slovesnost. – Pr.: Odeon, 1982. – 528 s.
15. Vachek J. Dictionary of the Prague school of Linguistics. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2003. – x, 213 p.
16. Wolski W. Die Fachsprache der Sprachwissenschaft seit den Jung–grammatikern // Fachsprachen: Ein internationales Handbuch zur Fachsprachenforschung und Terminologiewissenschaft = Languages for Special Purposes / hrsg. von L. Hoffmann, H. Kalverkamper und H.E. Wiegand. – Berlin; New–York: W. de Gruyter, 1998. – S. 1341–1355.
17. Wundt W. Volkerpsychologie. Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte. 1 B. Die Sprache. – 2., umgearb. Aufl. – 1 T. – Leipzig: Verlag von W. Engelmann, 1904. – 667 S.